

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА УКРАИНЫ В ПЕРИОД ГОЛОДА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Бобылева С. И. Морально-психологічний стан німецького населення Півдня України в період голоду 20-х років XX століття.

Здійснено спробу психологічного підходу до аналізу становища етнічного німецького населення Півдня України початку 20-х років минулого століття. Весь матеріал статті з історії німців до Першої світової війни служить підтвердженням добре відомої тези про об'єктивний характер причин голоду 20-х років. Принципово новим у статті є прагнення виявити ставлення до голоду та всього, що було з ним пов'язане, самим німецьким населенням, мобілізацію німецькими громадами своїх кращих національних рис характеру для подолання трагедії та виживання. Уточнені верхня і нижня межа голоду.

Ключові слова: голод 1920-х років, Південь України, влада, обставини, реакція населення, національні риси характеру, сприйняття.

Бобылева С. И. Морально-психологическое состояние немецкого населения Юга Украины в период голода 20-х годов XX века.

Предпринята попытка психологического подхода к анализу положения этнических немцев Юга Украины начала 20-х годов прошлого века. Весь материал статьи по истории немцев до Первой мировой войны служит подтверждением хорошо известного тезиса об объективном характере причин голода 20-х годов. Принципиально новым в статье является стремление выявить восприятие голода и всего, что было с ним связано, самим немецким населением, мобилизацию немецкими общинами своих лучших национальных черт характера для преодоления постигшей их трагедии и выживания. Уточнены верхняя и нижняя границы голода.

Ключевые слова: голод 1920-х гг., Юг Украины, власть, обстоятельства, реакция населения, национальные черты характера, восприятие.

Bobilewa S. I. Der moralisch-psychologische Zustand der deutschen Bevölkerung des Südens der Ukraine in der Periode der Hungersnot der 20er Jahre des XX. Jahrhunderts.

Im Beitrag wird der Versuch des psychologischen Herangehens zur Analyse der Lage der ethnischen Deutschen des Südens der Ukraine Anfang der 20er Jahre des vorigen Jahrhunderts unternommen. Das ganze Material des Beitrags zur Geschichte der Deutschen bis zum Ersten Weltkrieg dient als Bestätigung der gut bekannten These über den objektiven Charakter der Ursachen der Hungersnot der 20er Jahre. Prinzipiell neu ist im Beitrag das Streben die Wahrnehmung von Hungersnot und von all dem zu offenbaren, was damit verbunden war, von der deutschen Bevölkerung selbst, die Mobilisierung der besten nationalen Charaktereigenschaften von den deutschen Gemeinden zur Überwindung der getroffenen Tragödie und zum Überleben. Es wurden die obere und die untere Grenzen der Hungersnot präzisiert.

Schlüsselwörter: die Hungersnot, der Süden der Ukraine, die Macht, die Umstände, die Reaktion der Bevölkerung, die nationalen Charaktereigenschaften, die Wahrnehmung.

Bobilewa S. I. The moral and psychological state of the German population of the South of Ukraine during the famine of the 20s in the XXth century.

The article offers a psychological approach to the analysis of the situation of ethnic Germans in the South of Ukraine in 1920s. It was a period when the policy of the new power intended to change the self-

consciousness of the Germans. The legislative actions of the Russian state and then of the Soviet power had a negative consequences for both local economic and political-moral position of this category of population. The famine had objective reasons: history, policy, natural disaster. The author uses sources from the state region archives of Nikolaev, Kherson, Dnipro and Kiev to show her personal perceptions of the events. She tells about the policy of the Soviet government, its often criminal actions, biased attitude, manifested against German speaking population. The new approach is to identify the perception of hunger and all that was associated with it by the German population themselves. The author shows that the mobilization of the German communities was their way to overcome the tragedy and survive. The time period of the famine has been clarified.

Keywords: famine of 1920s, South of Ukraine, power, circumstances, population's reaction, national character traits, perception.

В настоящее время тема голода в Украине как 20-х, так и 30-х годов XX ст. чрезвычайно политизирована. По этой проблеме изданы десятки работ, защищены многочисленные диссертации. Несмотря на наличие точек зрения авторов, исследующих, этот вопрос, они едины в одном – голод был. Вопросы, по которым существуют разногласия, касаются следующего: а) причины голода; б) хронологические рамки голода; в) масштабы голода (голод или голодомор?); г) региональные особенности данного явления; д) проблема «власть и голод».

Все изучавшееся анализировалось с позиций макроистории. То есть анализировалось положение общества в целом (в конкретных временных рамках), его отдельных больших групп населения. Имеется ряд работ, авторы которых сделали много в изучении проблемы голода 1920-х годов в Украине: В. Евтух, Б. Чирко, Н. Кравец, Н. Осташева-Венгер, А. Безносков, М. Козырева; политической истории того времени, на фоне которой и развивались трагические события: А. Айсфельд, Дж. Тевс, Лоуренс Клиппенштайн. В этой ситуации остановимся лишь на тех моментах, которые требуют психоаналитического подхода, то есть рассмотрения проблемы голода не только через экономику и политику, но и через восприятие происходившего людьми, ставшими жертвами голода.

Прежде всего, следует обратить внимание на события, предшествовавшие голоду, которые повлияли на психологию немецких колонистов. Изменилась численность немцев и меннонитов в Новороссии, в трех губерниях (Херсонской, Таврической, Бессарабской) в 1914–1917 гг. она сократилась. И лишь в Екатеринославской губернии численность немцев в эти годы увеличилась с 81 тыс. до 85,5 тыс. чел., хотя их часть в общей численности населения и сократилась с 3,8 до 2,3% [17, с. 76]. Основной причиной происшедшего была высылка немецкого населения в глубь страны в годы Первой мировой войны. Происходившее было логическим продолжением полити-

ки последней трети XIX в., когда было отменено самоуправление в немецких колониях, введена воинская повинность, осуществлялось переименование колоний, то есть царская Россия фактически отказалась от тех гарантий, которые были даны немецкому населению при обустройстве Екатериной II и подтверждены Павлом I, а затем Александром I.

Далее последовали указы 80-х гг. XIX в. об ограничении иностранного землевладения в юго-западных губерниях, 90-х гг. – практически ущемлявшие сам принцип священной частной собственности, запрещавшие нерусскому населению приобретать недвижимость в ряде регионов, наконец, Ликвидационные законы периода Первой мировой войны, вызвавшие у немцев справедливое возмущение. Эти законы подрывали экономическое благосостояние немецких колонистов. Государственная Дума в марте 1916 г. констатировала, что «...приемы борьбы с немецким засильем привели лишь к сокращению площади посевов и разорению хозяйственной жизни в отдельных местностях» [18, с. 8]. Как должны были чувствовать себя немцы в ситуации, когда они полтора столетия сеяли и пахали на этой земле, верой и правдой служили этому отечеству, защищали его и, в конце концов, оказались «чужими» и даже «внутренними врагами»? Их сознание получало от происходящего негативные импульсы.

В 1916 г. полным ходом шел процесс продажи частновладельческих земель немцев на абсолютно несправедливых условиях [18, с. 112–113]. Активно циркулировали слухи о том, что солдаты по окончании войны получают земли немцев. И эти слухи имели под собой почву – часть российской политической элиты таким путем хотела избежать надвигающейся аграрной революции. О каком психологическом настроении немецкого населения кануна и периода войны могла идти речь, когда составлялись списки собственников земли, осуществлялись обмеры владений, описи инвентаря, находившегося в хозяйствах [24]?

Все это являлось травмирующими факторами национального самосознания немецкого населения и в определенной мере влияло на хозяйственную жизнь колоний в сторону ее ухудшения.

Результатом государственной политики в отношении немецкого и меннонитского населения в 1915–1916 гг. было не только состояние психологической неуверенности в стабильности своей собственности, отсутствия перспективы позитивного развития, но и значительное уменьшение посевных площадей, поголовья скота [26, л. 66; 3, л. 127–128].

Политика нарушения принципа частной собственности, ее незаконного отчуждения, попрание национально-культурных норм, неуважение к правам личности, столь последовательно осуществлявшиеся российским правительством в годы войны и имевшие для него катастрофические последствия, вызвали к жизни силы, его же уничтожавшие. Эта политика была не только продолжена новой советской властью в начале 20-х гг. XX в., но и доведена до изощренного абсолюта. Вышеизложенное непременно следует учитывать при рассмотрении событий голода начала 20-х годов.

Голод, как социальное бедствие, вызванное недоеданием в результате недостатка средств пропитания, сопровождающееся гибелью огромных масс населения, проявляется в двух формах: явный (абсолютный голод) и скрытый (относительный голод: недоедание, отсутствие жизненно важных компонентов в рационе питания) [27, с. 322]. Обращение к этому определению осуществлено с целью уточнения хронологических рамок, обозначенных в теме.

Современники событий тех дней писали в 1920 г.: «Первое, что сделала новая власть – совершила реквизицию всего зерна, включая семенное. Зернохранилища были пусты» [29, р. 8]. Дневниковые записи Эльзы Клюдт, жены пастора из Нейгофнунга (Бердянский уезд), повествуют о том, что уже в январе 1920 г. в колонии участились случаи грабежей на почве продовольственных затруднений. Она писала, что «зимой 1920 г. забрали (представители советской власти – С.Б.) все хлебное зерно, купленное на год. Пришли забирать с пулеметом» [32, с. 150–151; 20, с. 124]. Интересна ее реакция на происходившее. Если раньше, когда забирали золото, украшения, деньги, она молча наблюдала за происходившим, то теперь (зима 1920 г.) она просила, молила, плакала, умоляла пришедших не забирать зерно, говорила, что урожаем не предвидится. Перед ее глазами, как она пишет, стоял голод.

Генерал И. Данилов, вынужденный в это время служить в Красной армии, написал 9 января 1921 г. о том, что в Александровском и Мелитопольском уездах распространено людоедство [16, с. 181]. Официальная статистика косвенно подтверждает следующее: явные признаки наступавшего продовольственного кризиса среди колонистского населения Юга Украины обнаруживались уже осенью 1920 г. Следует учесть, что политика «военного коммунизма» в Украине начала проводиться со второй половины 1920 г. В августе 1920 г. последовали декреты Совнаркома Украины об изъятии излишков зерна, картофеля, мяса, т.е. вводилась монополия власти на сельскохозяйственную продукцию. Это привело к тому, что в начале октября 1920 г. в четырёх колониях Ландауской волости было зафиксировано 95 хозяйств (427 чел.), не имевших вообще никаких запасов зерна и муки [12, л. 9]. С ноября 1920 г. уже целые волости зависели от закупки хлеба в других губерниях. Следовательно, начало голода относительного, скрытого, масштабы которого были столь велики, что вылились на рубеже 1920–1921 гг. в отдельные случаи каннибализма, следует отнести ко второй половине 1920 г.

Что же касается верхней границы голода – 1922 г., то логичнее определить его завершение 1923 г. Аргументы в пользу этой датировки следующие: 1) в 1922–1923 гг. голодающие Юга Украины получили 10 млн т. зерна и кукурузы, поскольку, как и в 1922 г., собственных и хлебных ресурсов было недостаточно; 2) в первые зимние месяцы 1923 г. продовольственный кризис усилился. Бесплатным питанием столовые Украинского Красного Креста обеспечивали в январе 63 тыс. голодающих детей. В феврале их пропускная способность увеличилась до 100 тыс. [1]. В апреле 1923 г. иностранные благотворительные организации кормили свыше 360 тыс. детей. И только летом 1923 г. продовольственное положение несколько улучшилось; 3) на 1 мая 1923 г. помощь АРА составила для Украины за март 11 706 300 пайков, за апрель – 14 593 860 пайков. Помощь АРА и Украинского Красного Креста оказывалась только 10% голодающих [19, с. 85]; 4) организация Нансена работала до октября 1923 г.; 5) в Екатеринославской губернии население составляло 3 115 186 чел. Голодающих на 1 апреля 1923 г. было зарегистрировано 579 747 чел., из них детей 309 332; 6) комитеты АРА действовали в 1923 г. в 25 пунктах губернии. Аргументацией АРА в пользу утверждения, что голод в Украине побежден к лету 1923

г., было то, что Украина начала экспортировать зерно за границу. Однако это уже принципиально другой вопрос, а именно «голод и власть».

С учетом выше перечисленного считаем вполне обоснованным поднять верхнюю границу голода в Украине, по крайней мере, до лета 1923 года.

Регион Юга Украины. Официальные власти признали голод на Юге Украины осенью 1921 г. лишь в пяти губерниях: Запорожской, Донецкой, Екатеринославской, Одесской и Николаевской (табл. 1). Хотя имеются сведения о том, что в ряде уездов других губерний были признаки голода, пусть и в меньших масштабах.

К этому времени немецкое население уже не имело тех земель, что раньше, той сельскохозяйственной техники, ибо прежняя приходила в негодность и требовала ремонта, а заводы, производившие эту технику в годы войны, работали на оборону и теперь были разрушены гражданской войной. Не было тех довоенных урожаев, того скота, запасных магазинов, которые раньше являлись действенным инструментом помощи в годы неурожая и стихийных бедствий. Многие дочерние колонии были уничтожены, жители убиты, а оставшиеся ушли в материнские колонии, ухудшив тем самым в них продовольственную ситуацию. Другими словами, трудности, возникнув, накапливались и, наконец, достигли своего апогея в 1921–1922 гг.

Анализируя реакцию голодающего населения немецких селений в 1920–1923 гг., следует иметь в виду ситуацию, сложившуюся здесь к началу голода. С конца 1917 г. и вплоть до начала голода регион перечисленных губерний находился в эпицентре военнополитических событий. Здесь создавались и действовали первые большевистские советы с их политикой национализации земли и разрушения имений, крупных крестьянских хозяйств, первыми репрессиями, самосудами, расстрелами, в которых активно участвовали вернувшиеся с фронта солдаты, обозленные войной и разрухой своих хозяйств. На этих территориях с апреля по ноябрь 1918 г. находились австро-немецкие войска; эти земли стали ареной военного противоборства ар-

мий Деникина, Врангеля и Красной армией, в ходе которого селения подвергались реквизиции продовольствия, скота, лошадей. Грабили красные, грабили белые. Так, например, наибольший урон в годы гражданской войны населению колонии Фишердорф (Рыбальское) нанесли чеченские и казаческие части Добровольческой армии. Помимо этого, немецкие колонии подвергались с октября 1919 по 1921 г. набегам бесчинствующих банд, террору махновцев, которые не просто грабили, а неоднократно совершали массовые убийства колонистов. Так, например, в Николайпольской волости от их рук погибло свыше 16% мужского населения [6, л. 12]. И дело было не в политической ориентации воюющих сторон – речь шла о нарушении экономического состояния населения, уничтожении многих дочерних колоний и хуторов, население которых, спасаясь бегством, пополняло ряды жителей материнских колоний. Немецкие селения, имевшие запасы хлеба, фуража и располагая значительным количеством лошадей, постоянно являлись объектами захвата противоборствующих сторон. Приход же в них любой из армий сопровождался для немецкого населения очередной реквизицией и контрибуцией, которые обескровливали колониистские хозяйства.

Значительными были и экономические потери тех селений, которым удалось выжить. Так, характеризуя ситуацию в немецкой Пришибской волости осенью 1920 г., председатель местного ревкома Венгеров сообщал, что в результате реквизиций и грабежей волость осталась без тягловой силы, а в Никопольской волости после ухода махновцев число рабочих лошадей сократилось с 14000 до 108 голов, а крупного рогатого скота – с 1288 до 491 головы. Кроме того, махновцы забрали свыше 100 тыс. пудов зерна [22, л. 181].

Военные действия, бандитские набеги зачастую не позволяли собрать уже выращенный урожай. Такая ситуация сложилась в 1920 г. в Молочанской и Пришибской волостях, что в определенной мере и привело их к продовольственной катастрофе 1921 г. На территории пяти губерний до Первой мировой войны

Таблица 1.

Голодающее немецкое население (январь 1922 г.) [25, арк.1]

Название губернии	Численность немецкого населения, тыс. чел.	Голодающее немецкое население, %
Запорожская	90 тыс. чел.	80
Николаевская	30 тыс. чел.	80
Донецкая	60 тыс. чел.	50
Екатеринославская	60 тыс. чел.	50

собирали 400 млн пудов зерна. В 1921 г. было получено только 39 млн пудов зерна. Уменьшение урожайности зерновых и технических культур в немецких колониях по сравнению с 1913 г. составило (%): Одесская – 76,1, Донецкая – 85,2, Екатеринославская – 91,2, Запорожская – 92,6, Николаевская – 90,5 [15, л. 77].

Кроме того, с начала революционных событий и до начала 20-х годов шло массовое разорение немцев. Примером служит ситуация в хозяйствах Хортицких и Николайпольских колоний (табл. 2).

Общее впечатление от немецких поселений Юга Украины хорошо передано генералом Даниловым (зимой 1921 г.), который писал: «...Меня поразила разоренность этой местности. Пришлось проехать много хуторов и несколько немецких колоний, в которых не видно было ни одной живой души; везде были только одни развалины, следы пожарищ и валялись обломанные части земледельческих машин и локомотивов для паровых молотилок и веялок. Степь лежала кругом заброшенная, не вспаханная, заросшая бурьяном и ковылем. А ведь еще недавно это были житницы, поставлявшие пшеницу за границу» [16, с. 181].

Бедствия колонистов, причиненные анархией и гражданской войной, были огромными. Велик был список человеческих жертв. Но помимо этого, реальными убийцами, от которых не было никакой защиты, являлись вспышки холеры «испанки», сыпного тифа и оспы, распространяемые солдатами воюющих армий и бандитами разных мастей. Так, Хортица, с населением в 18 тыс. жителей в течение 3 лет потеряла из-за болезней приблизительно 4 400 человек [28, р. 75].

Тяжелую ситуацию региона кануна голода усугубляли и субъективные факторы, имевшие национально-психологическую окраску. Они присутствовали как в причинах, так и в самом характере событий тех лет. Речь идет: 1) об относительной закрытости немецких сельских общин; 2) землеустройстве в колониях, активно проходившем с 1920 г. и завершенном в 1922 г.; 3) отношении советской власти к немецкому населению. Активно шел процесс механического отрезания обрабатываемых колонистами земель в пользу окружа-

ющего не немецкого населения. «Решаемый» таким образом земельный вопрос нарушал традиционный севооборот у немцев, вел к увеличению безземельных и малоземельных. Ситуация обострялась с появлением в колониях беженцев из уничтоженных колоний и тех, кто возвращался в Украину из Сибири, будучи высланными туда в годы Первой мировой войны.

Что касается третьего фактора, то он определялся всей политикой государства, воспринимавшего немецкое и меннонитское население как классово чуждое. К этому присовокуплялось и отношение украинского населения к немцам, у которых они батрачили, которые имели другой язык, другую религию и которые в 1918 г. сотрудничали с оккупантами. Негативное влияние этого проявилось: а) в завышенном налогообложении колонистов по сравнению с соседним украинским населением; б) выполнении продразверстки украинскими селами за счет немецких; в) переразверстках в процессе шедшей административно-территориальной реформы; г) массовом раскулачивании хозяйств немцев, ибо середняки оценивались властью как кулацкий элемент; д) обложение налогом всей пашни, без учета засеянной земли.

Оценивая политику советской власти в отношении немецких колонистов, можно расценить ее как своеобразную месть за все прошедшее в последние годы: 1) немцы были богаче украинцев, и следовало заставить «бывших» эксплуататоров украинского крестьянства выполнять возложенные на них революционные обязанности; 2) они контактировали с немецко-австрийскими войсками, подписались на заем в размере 60 млн руб. золотом, то есть они чужие, а забирать у чужих возможно; 3) создавали отряды самообороны и сопротивлялись Красной армии в ее практике реквизиций; 4) поддержали Деникина и Врангеля, то есть они – враги новой власти. Иные представители советской власти предлагали путем «натиска» на немцев-колонистов спровоцировать их на восстание, а потом справиться с ними.

Причины голода в восприятии немецких колонистов. Власть видела главные причины голода в природно-климатических услови-

Таблица 2.

Экономическая ситуация в Хортицкой и Николайпольской колониях [21, л. 80].

Население чел.		Число хозяйств		В том числе в 1922–1923 гг.			
1917 г.	1923 г.	1917 г.	1923 г.	Разрушенные	Беспосевные	Безлошадные	Бескоровные
13 926	12 909	1 402	2 247	137	375	1.613	713

ях 1921–1922 гг. (страшной засухе) и последствиях разрухи периода Первой мировой и гражданской войн. Немецкое население также отмечало эти два фактора. Однако ряд документов и мемуаров позволяет отметить, что оно значительно расширяло перечень причин голода и по-своему его воспринимало. Немцы делали особый акцент на политических и социальных факторах причин голода. В нем они винили советскую власть, режим, установленный этой властью. Читаем: а) «Новая советская власть произвела раздел пахотных земель. Прежних владельцев... власть характеризовала как преступников и злодеев. Эта переоценка прежнего мировоззрения... вызвала у людей возмущение и гнев»; б) мобилизованные Красной армией на доставку военных грузов подвергались обстрелам в зоне боевых действий и «...возвращались домой больными, иные погибли». Это приводило к тому, что «...поля обрабатывались плохо. А некоторые вообще опустели, заросли сорняком, что обернулось катастрофой, когда в 1921 г. пришла засуха»; в) вывоз хлеба советской властью из пораженных неурожаем местностей. «Был полный неурожай. Но если бы зерно, которое мы собрали, осталось в нашей местности, никто бы не голодал». Действительно, недород охватил 9 млн дес. из 16 млн дес. посевных площадей. С марта 1921 г. вводился продналог. Но поскольку не был выполнен план продразверстки 1920 г., его забрали с урожая 1921 г. прежним методом насилия. Взимание продналога 1921–1922 гг., несмотря на неурожай, так же осуществлялось методами принуждений (штрафы, аресты, описи имущества), т.е. чрезвычайными мерами с использованием воинских частей, составлением списков «ответчиков» из числа имущего населения, являвшегося фактически заложниками; г) отсутствие действенной власти: «не было никакой власти и никакой полиции, к которой можно было бы обратиться за помощью»; д) немцы были «притесняемы и ограблены юридически»; е) исполнители приказов советской власти, по мнению колонистов, были из уголовников, и это многое объясняет в их поведении. Так оценивали причины бедствия жители Заградовки [31, р. 101–103].

Население Мемрика, менее пострадавшее от разрушительных последствий военных действий, делало акцент на роли эпидемий периода гражданской войны, грабеже лошадей бандитами и реквизиции семенного зерна красными. Именно это привело население к голоду, так как «поля были плохо обработаны, частью вообще не засеяны, а полученный

даже малый урожай большей частью был забран властью» [30, р. 85–87]. Анна Бауэр, воспоминания которой нами использовались, ко всему выше перечисленному, добавляет «поборы солдат и местной власти». Встречались мнения меннонитов о том, что голод был послан Богом для проверки верующих в их религиозных убеждениях.

А в это время власть занималась организацией налогового аппарата (перебои в сборе продналога, как гласили документы, «грозили неисчислимыми бедствиями голодающему населению республики, и губернские власти требовали завершить сбор продналога к 1 января 1922 г.); открытием столовых для голодающих Поволжья [7, л. 2; 8, л. 41]. В циркулярном письме от 23 марта 1922 г. было указано, что к этому времени Украина выполнила лишь 12% своих обязательств перед Поволжьем, однако население Украины может и должно прокормить голодающих Поволжья. Все это происходило в то время, когда голод во всю свирепствовал на Юге. Население, спасаясь от голодной смерти, пыталось выехать в губернии, не столь пораженные голодом (Полтавскую, Волынскую, Каменец-Подольскую, Черниговскую), но власти препятствовали этому [9, л. 92; 4, л. 58]. Более того, В. А. Антонов-Овсеенко в статье «Спешите на помощь умирающим от голода» упрекал Украину в том, что во многих губерниях крестьяне сдают продналог нечестно [3, л. 62]. Подобные заявления звучали кощунственно на фоне того, что к 30 июня 1922 г. только в Варваровке голодало 197 детей и 104 чел. взрослого населения, в Николайполе – 201 ребенок до 16 лет и 245 чел. взрослых, в Долиновке – 124 чел., в Морозово – 255 чел. [3, л. 62, 63, 132]. Не менее красноречивы данные о голодающих по уездам Екатеринославской губернии: Верхнеднепровский – 60 205 чел., Новомосковский – 68 963 чел., Екатеринославский – 133 938 чел., Криворожский – 162 147 чел., Никопольский – 79 096 чел., Павлоградский – 70 000 чел. [5, л. 38].

И в этой ситуации населению в категорической форме запрещалось обращаться к представителям иностранных организаций помощи. Делать это можно было только через Укомполгол, ибо еще ранее на губернском уровне было принято решение изыскивать источники помощи в пределах самой губернии и запретить выезд из голодающих районов, проводить агитацию по удержанию населения на местах [8, л. 79; 7, л. 24; 41; 3 л. 11]. Документы фиксируют политические настроения и состояние голодающих в губерниях. Так, за 1921 г. в Запорожской губернии – «спокойное

отношение к продналогу, местами благожелательное; в Николаевской – удовлетворительное, на зерно-хлеб – отрицательное; в Донецкой – большое недовольство... положение крайне тяжелое; в Мариупольском уезде на почве голода страшные грабежи. В ряде уездов Екатеринославской губернии – враждебное» [4, л. 60].

Не подвергая сомнению ценность архивных материалов, хотелось бы обратить внимание на необходимость значительно большего использования воспоминаний современников и жертв трагедии голода 20-х гг. Они позволяют уяснить все происходившее с позиций нравственно-духовного восприятия. И здесь автор абсолютно солидарен с позицией доктора Д. Брандеса, рассматривавшего ситуацию в колониетской среде с позиций «сопротивления и защиты» [2, с. 26–34]. Касаясь определения «резистентности» М. Брошата, т.е. «холодного отношения к власти, вне зависимости от причин и мотивов», следует отметить, что подобная ситуация была характерна для колонистов в период революций [2, с. 26–34]. Она выражалась в стремлении соблюдать нейтралитет и не вмешиваться в политическое противостояние борющихся сторон. Но гражданская война и голод поставили немецкое население перед выбором: погибнуть или выжить.

Последнее и диктовало формы их поведения: а) стремление уклониться от выполнения продналога; б) сокрытие размеров земельных наделов, носившее как единичный, так и массовый характер; в) утайка засеянных десятин; г) массовая подача заявлений об отсрочке продналога до нового урожая; д) выезд в урожайные губернии (часть Полтавской, Киевской, Волынской); е) глухое недовольство; ж) угнетенное состояние крестьян; з) пассивное отношение к происходившему; и) враждебное отношение к советским служащим, особенно к председателям сельсоветов; к) стихийные бунты, когда доведенные до отчаяния люди (особенно женщины) врывались в исполкомы, требуя хлеба; л) слабое выполнение повинностей; м) отказ от выполнения гужевой повинности; н) сокращение посевных площадей; о) попытка утайки зерна. Передача инвентаря, скота беднейшему населению, что грозило последнему судом ревтрибунала и изъятием переданного; п) желание избежать конфликта и выплатить продналог подталкивало их к закупке зерна в других губерниях; р) организация самопомощи – создание по инициативе жителей колоний общественных столовых для голодающих за счет самообеспечения; с) обращение к органам советской

власти за помощью [10, л. 4, 3 а, 5, 45; 4 л. 23–24]. Так, в редакцию газеты «Волынский Пролетарий» поступило следующее обращение: «Не один уже вопль через печать прозвучал у вас товарищи волынцы. Те ужасы, которые на Николаевщине, описать трудно. Особенно в Херсонском уезде, где людоедство, детоедство, голод, эпидемии (брюшной тиф, холера), умопомешательство. К вам обращаются взоры с надеждой умирающих детей Херсонщины, они призывают Советскую власть – помогите умирающим от голода» [13, л. 58–59]; т) создание этноконфессиональных союзов: «Союз потомков голландских выходцев на Украине», «Союз немецких колонистов Екатеринославской губернии “Колонист”», «Союз немцев-колонистов в Одесской губернии», «Немецкий культурный союз»; у) и, наконец, эмиграция.

Что касается повсеместно имевшейся практики сокращения посевных площадей, то, во-первых, этот процесс имел свою предысторию еще в годы Первой мировой войны, и уже тогда серьезно сказался на морально-психологическом состоянии немецкого населения. В условиях Ликвидационных законов и антинемецкой истерии, поднятой в российском обществе, практика сокращения посевных площадей была формой протеста, порожденного чувством обиды за несправедливость по отношению к колонистам со стороны властей, неуверенности за свое экономическое положение.

Иная ситуация сложилась в 1920–1923 гг., когда проведение политики «военного коммунизма» с ее систематическими продразверсткам, постоянными частями Красной армии, содержание которых ложилось на население колоний, попранием принципа частной собственности, положенного в основу творимого беззакония, насилием и произволом продотрядов делало в 1920 г. бесперспективность посевных работ, а с 1921 по 1923 г. невозможность их выполнения из-за отсутствия посевного материала, нехватки рабочего скота.

В документах довольно часто встречается материал о слабости политической дифференциации в немецких поселениях, о неэффективности работы КНЗамов (комитетов бедноты), нежелании их членов проводить раскулачивание, изъятие продовольствия. И этому есть объяснение. В немецких колониях раньше вообще не было нищих, здесь всегда присутствовала сильная этническая и религиозная связка. Но времена менялись, и зачастую люди менялись далеко не в лучшую сторону. Так, в Ландау был составлен список на 55 жителей, участвовавших в грабежах

и убийствах в Голой Пристані. Действовала банда братьев Штригель (18–20 чел.). Участились случаи каннибализма, ночных грабежей на почве нехватки продовольствия. Эльза Клюдт не исключала возможности участия в них безземельных жителей своей немецкой общины. Некоторые начинали утрачивать религиозные чувства и морально-этические качества. Ею отмечались симптомы стихийного атеизма. Так, сапожник Э. Майер грозился убить пастора Симона Клюдта. Появилось доноительство, чувство неоправданной зависти, злобы. Эти качества побуждали отдельных колонистов писать доносы даже на пасторов. Эльза Клюдт писала о том, что в семью пастора, где уже было шестеро детей и летом ожидалось появление еще одного, зимой 1920 г. пришли не просто за хлебом, а явились по доносу прихожан. В нем значилось, что семья имеет много зерна. Донос был подписан прихожанами прихода Симона Клюдта Христианом Фуксом, Абрамом и Фридрихом Вольфами и учителем русского языка Петром Кирштейном. Об этом Симону Клюдту, пастору прихода Нойгофнунг, на смертном одре признался Фридрих Бельц, также приложивший свою руку к этому доносу. Очевидно, перед смертью он решил облегчить свою душу, снять грех и исповедовался. Реакцией семьи на происходившее уже зимой 1920 г. было абсолютное осознание наступившей трагедии.

Вообще дневник Эльзы Клюдт является бесценным материалом, позволяющим на микроисторическом уровне проследить историю как самого голода, так и трансформацию поведения личности в условиях голода. Если при этом еще учесть и ментальные характеристики народа, то мы сможем увидеть элементы оценки причин голода немцами, способов, использованных ими для выживания – увидеть мир немецкой семьи как бы изнутри.

Общеизвестны черты немецкого характера: чистоплотность, бережливость, скромность, аккуратность, добропорядочность, честность, рационализм, дисциплинированность, добросовестное отношение к труду, доброжелательность. С учетом перечисленного по-особому воспринимается поступок Эльзы, когда она, до прихода комнезамовцев, спасая хотя бы малую толику продуктов, наполнила детские матрасы ячменем, несмотря на возражения мужа. Она совершила поступок, который не укладывался в нормальные рамки поведения немки, однако она пошла на это, спасая тем самым своих детей. В тоже время и все происходившее было аномальным. Это припрятанное ею зерно спасло семью ле-

том и осенью 1920 года. Чувство сострадания к ближнему побудило семью Клюдтов взять в дом беженцев-квартирантов – брата и сестру Гессе. Но их поведение вызвало у хозяев справедливое возмущение: молодые люди были «непрактичны и ленивы», что в условиях голода являлось недопустимым.

Но даже в тех тяжелейших условиях люди пытались сохранить человечность. Так, ветеринар, лечивший корову Клюдтов и знавший о том, что у семьи забрали зерно, не взял за свои услуги причитающуюся ему плату зерном. В тех условиях это был не просто акт великодушия, а проявление милосердия. Мотивация поведения людей даже в одной семье могла быть разной. Так, Эльза пишет, что находившуюся в их сарае описанную кукурузу, почему-то не забрали и они (это законопослушные немцы) брали и обменивали ее на пшеницу, вес на вес. «Люди и больше бы дали, – пишет она, но Симон этого не хотел». Если Эльза руководствовалась инстинктом материнства, заботясь о сохранении потомства, то для Симона Клюдта нравственные понятия были выше существующих обстоятельств. Эльза пишет, что с весны 1921 г. голод принял угрожающие размеры. В Нойнгофнунге тем летом умерло 50 жителей. Семья пыталась хоть чем-то помочь бедствующим. Так, к ним периодически приходила обедать семья Рау: отец и две дочери. Одна из них, Елена, рассказывала, что дома у них ели кошек и собак, но ей ничего не дали. То есть в немецкой семье, где традиционно было особое отношение к детям, голод довел ее членов до того, что они лишали своего же ребенка куска кошатины. Что же касается самой семьи Клюдт, то они вынуждены были закрывать двери и завешивать окна, когда садились есть. Трудно представить себе душевное состояние добропорядочной матери, дающей похлебку своим детям в то время, когда за завешанными окнами умирали дети соседей. Речь шла о проявлении инстинкта самосохранения, и тут уже было не до добропорядочности.

Немецкая ментальность в период голода проявилась в своеобразных формах:

1) понимании значения образования (сельские сходы обращались к властям с просьбой спасти учителей от голодной смерти и оказать им помощь на государственном уровне) [10, л. 27];

2) законопослушании. Так, в Ландауской волости, несмотря на недород, план по сбору продналога был выполнен в 1921 г. на 97%, причем 50% зерна было куплено в Подольской губернии [10, л. 121]. В тоже самое время Ландауская волость предоставила следу-

ющую информацию: «Число голодающих неимоверно возрастает и сейчас выражается в 5 400 душ, из них 50% детей». 27 марта 1922 г. председатель Вознесенского Уисполкома пишет: «Голод в нашей волости сделался общим бедствием, смертность на почве голода достигла неимоверной величины» [10, л. 27, 45]. 10 мая 1922 г. в центр поступает информация о том, что «волость доведена голодом до полного вымирания... дети лежат на земле и грызут кости прошлогодней падали» [10, л. 71]. И все это происходило на фоне сведений, подаваемых Ландауской волостью в губернию, которые трудно адекватно оценить. Так, 23 марта 1922 волость подает сведения о сданных продуктах: зерна – 90%; молочных продуктов – 95%; птицы – 100%; соломы – 100%; шерсти – 90%; масла – 95% [10, л. 34].

Не менее кощунственно выглядят и задачи, которые ставила власть. Речь шла о необходимости оказания населением помощи международному рабочему движению с целью поддержания мировой революции, которую задерживают американские купцы. Для этого ставилась «задача – успешно провести посевную кампанию» [11, л. 6]. И этот призыв был сделан в условиях, когда «зимой 1921–1922 г. живой инвентарь погиб из-за отсутствия кормов, а весной смогли засеять лишь 14% угодий» [10, л. 121]. О том, как достигались такие показатели, свидетельствуют события ноября 1922 г. в колонии Шпеер, где десятники и члены сельсовета в течение 2 дней «выкачивали» продналог. С этой целью село было окружено допризывниками всеобуча, и жители не могли его покинуть без местного пропуска. Неплательщиков арестовали и держали под арестом до выполнения налога [23, л. 41];

3) аккуратность и чистоплотность: размер голода достиг невероятных размеров, и исполкомы были заняты одним – поиском досок для гробов и рытьем могил [10, л. 45]. Но немцы оставались немцами: отдавались распоряжения о необходимости копания глубоких могил, чтобы собаки не могли их разрыть [14, л. 9];

4) порядок: в марте 1922 г. Ландауский сельсовет отдает экстренное распоряжение: в связи с голодом и в целях предупреждения несчастных случаев обследовать населенный пункт и немедленно потребовать от каждого хозяина посыпать песком тротуар у своего дома. Не выполнившие это распоряжение привлекались к ответственности [14, л. 4];

5) бережливость: селения испытывали ужас не только голода, но и лютой стужи из-за отсутствия топлива. Так, в Карлсруэ, Шпее на дрова разбирались даже срубы колод-

цев [10, л. 32]. Но сельсоветы постановляли не допустить порубки фруктовых деревьев. Виновным грозило привлечение к суду [14]; квитанции на получение обеда в сельских столовых для голодающих не просто выдавались, их следовало заработать, собрав немного сырья (копыта, щетина, кости) и сдал его в местный кооператив [10];

6) дисциплинированность проявилась в их самоорганизации.

Выводы. Безусловно, всем изложенным не ограничивается проблема восприятия и реакция голодающего немецкого населения начала 1920-х годов. Тем не менее, наши обобщения сводятся к следующему:

1) В восприятии немецкого населения голод начался уже в 1920 году. Окончание его следует отнести к 1923 г., хотя еще даже в 1924 г. в отдельных селениях это явление присутствовало.

2) Немецкое население гораздо точнее и правильнее оценивало причины трагедии голода и не ограничивалось факторами последствий Первой мировой, гражданской войн и климатическими аномалиями рассматриваемого периода. Начатое в годы Первой мировой войны разрушение колониального сообщества с его окончанием еще не приобрело необратимого характера. Это сделала советская власть, руководствуясь сугубо политико-идеологическими причинами (политика военного коммунизма, раскулачивание в том числе и середняка, землеустройство, уничтожение частной собственности, продналог). Все это было направлено на уничтожение не только товарнопроизводительности хозяйств, но и самих хозяйств. А это все неминуемо вело к голоду. О чем прямо либо иносказательно заявляли колонисты.

3) В реакции голодающих прослеживается этический компонент.

4) Немецкая аккуратность, расчетливость, бережливость сыграли определенную роль в деле борьбы немцев за выживание, когда они смогли проявить элементы самоорганизации, создавая подсобный промысел, общественные столовые для голодающих, союзы колонистов, организуя обращения к единоплеменникам и единоверцам за рубежом с просьбой об эмиграции и многое иное.

5) В немецких селениях начала 20-х гг. XX в. наблюдались процессы не только психологической аккумуляции, сопровождавшиеся изменением психологии индивидов, социальных установок, ценностных ориентаций, но прослеживалось и явление попыток социальной адаптации, то есть приспособления этой эт-

нической группы населения Украины к существованию в новой социальной среде.

Формы защиты немецких колонистов в период голода иногда можно трактовать как формы борьбы. Однако вооруженное сопротивление, имевшее место в 1919 – первой половине 1921 г., показало бесперспективность таких действий, поэтому в 1922–1923 гг. можно констатировать лишь элементы пассивного сопротивления. В целом, уяснив

политику советской власти в отношении немецкого крестьянства в начале 20-х гг. XX в., можно яснее представить себе создание механизма действия тоталитарного режима в отношении различных национальных и социальных групп населения страны. Начало 20-х гг. было «пробой пера», апробацией репрессивных методов управления, которые получили свое дальнейшее развитие в 30-е годы XX ст.

Библиографические ссылки

1. Більшовик (Київ). – 1923. – № 3. – 11 лютого.
2. Брандес Детлеф. Защита и сопротивление российских немцев (1917–1930 гг.). Наказанный народ / под. ред. И. Щербаковой. – Москва, 1999. – 288 с.
3. Государственный архив Днепропетровской области (далее ГАДО). Р – 2690, оп. 1, д. 100.
4. ГАДО. Ф. П. – 1, оп. 1, д. 212.
5. ГАДО. Ф. П. – 1, оп. 1, д. 584.
6. ГАДО. Ф. Р. – 2690, оп. 1, д. 10.
7. ГАДО. Ф. Р. – 2690, оп. 1, д. 33.
8. ГАДО. Ф. Р. – 2690, оп. 1, д. 99.
9. ГАДО. Ф. Р. – 2706, оп. 1, д. 2.
10. Государственный архив Николаевской области (далее ГАНО). Ф. 185, оп. 1, д. 10.
11. ГАНО. Ф. 185, оп. 1, д. 15.
12. ГАНО. Ф. 608, оп. 1, д. 5.
13. ГАНО. Ф. 614, оп. 1, д. 113.
14. ГАНО. Ф. Р – 265, оп. 1, д. 20.
15. Год борьбы с голодом 1921–1922 гг. Отчет Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода при ВУЦИК. – Харьков, 1923. – 162 с.
16. Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции: в 22-х т. – Москва, 1993. – Т. 15–16. – 670 с.
17. Кабузан В. М. Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII – XX веках (1719–1989) / Историко-статистическое исследование. – Москва, 2003. – 217 с.
18. Линдеман К. Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников по законам 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и 10, 15 июля и 19 августа 1916 года и их влияние на экономическое состояние Южной России. – Москва, 1917. – 384 с.
19. Мельник Н. Голод, хроніка, документи та матеріали голоду 1921–1923, 1932–1933 років на Криворіжжі. – Кривий Ріг, 2003. – 379 с.
20. Немцы России. Энциклопедия : в 2-х т. / пред. – ред. В. Карев. – Москва, 2004. – Т. 2. – 747 с.
21. Осташева, Н. В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. – Москва, 1998. – 256 с.
22. Постановление Губревкома о выполнении продовольственной разверстки, переписка с губревкомом, сельсоветами о выборах в сельские ревкомы о ходе продовольственной разверстки, охране племенного скота. 04.03.1920 – 28.11.1920 г. // ГАДО. Ф. Р–2690, оп. 1, д. 10.
23. Протокол № 50 от 17/ХІІ – 1922 г. О мерах по сбору продналога // ГАНО. Ф. Р –2201, оп. 2, д. 22.
24. Таврические Губернские Ведомости. – № 22 – 15.03.1916 г.
25. Центральный государственный архив высших органов власти Украины (далее ЦДАВО) Ф. 5., Оп. 1., Спр. 1118.
26. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее ЦГАОУ). Ф. 1, оп. 2, д. 3272.
27. Энциклопедический словарь. – Москва, 1980. – 654 с.
28. Autor Herausgeber: Diary of Anna Baerg. 1916–1924. – Altona, Manitoba, 1985. – 456 p.
29. Goertz, Heinrich: Mennonite settlements in Crimea. – Winnipeg, Manitoba, 1992. – 340 s.
30. Goertz, Herinrich: Memrik. – Winnipeg, Manitoba, 1997. – 540 p.
31. Lohrenz, Gerhard: Sagradowka. History of the Mennonite settlement in Southern Russia. – Winnipeg, Manitoba, 2000. – 423 p.
32. Schnurr, Joseph: Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Evangelischer Teil. – Stuttgart, 1978. – 456 s.

References

1. Bil'shovyk (1923) [Bolshevik]. no. 3.
2. Brandes Detlef. (1999) *Zashchita i soprotivleniye rossiyskikh nemtsev (1917–1930 gg.). Nakazannyi narod* [Protection and resistance of the Russian Germans (1917–1930). Punished people]. Moscow. (in Russian).
3. State Archive of the Dnipropetrovsk region (SADO), f 2690, 1 inventory, file 100.
4. SADO, f. p. – 1, inventory 1, file 212.
5. SADO, f. p. – 1, inventory 1, file 584.
6. SADO, f. r. – 2690, inventory 1, file 10.
7. SADO, f. r. – 2690, inventory 1, file 33.
8. SADO, f. r. – 2690, inventory 1, file 99.
9. SADO, f. r. – 2706, inventory 1, file 2.
10. State Archive of Mykolaiv region (SAMR), f. 185, inventory 1, file 10.
11. SAMR, f. 185, inventory 1, file 15.
12. SAMR, f. 608, inventory 1, file 5.
13. SAMR, f. 614, inventory 1, file 113.

14. SAMR, f. r. – 265, inventory 1, file 20.
15. God bor'by s golodom 1921–1922 gg. Otchet Tsentral'noy Komissii po bor'be s posledstviyami goloda pri VUTSIK (1923) [Year of the fight against hunger 1921–1922. Report of the Central Commission to combat the effects of hunger at the All-Ukrainian Central Executive Committee]. Kharkov. (in Russian).
16. Danilov I. (1993) Vospominaniya o moyey podnevol'noy sluzhbe u bol'shevikov [Memories of my involuntary service among the Bolsheviks]. *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]. vol. 15, Moscow. (in Russian).
17. Kabuzan V. M. (2003) *Nemetskoyazychnoye naseleniye v Rossiyskoy imperii i SSSR v XVIII – XX vekakh (1719–1989)* [German-speaking population in the Russian empire and the USSR in the XVIII – XX centuries (1719–1989)]. Moscow. (in Russian).
18. Lindeman K. E. (1917) *Prekrashcheniye zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya poselyan-sobstvennikov po zakonam 2 fevralya i 13 dekabrya 1915 g. i 10, 15 iyulya i 19 avgusta 1916 goda i ikh vliyaniye na ekonomicheskoye sostoyaniye Yuzhnoy Rossii*. [Termination of land ownership and land use of settler-owners under the laws of February 2 and December 13, 1915 and July 10, 15 and August 19, 1916 and their impact on the economic situation in southern Russia]. Moscow. (in Russian).
19. Mel'nyk N. (2003) Holod, khronika, dokumenty ta materialy holodu 1921–1923, 1932–1933 rokov na Kryvorizhzhii [Melnyk, N.: Hunger, chronicle, documents and materials of the famine of 1921–1923, 1932–1933 in Kryvyi Rih]. Krivoy Rog. (in Ukrainian).
20. *Nemtsy Rossii. Entsiklopediya* (2004) [Germans of Russia. Encyclopedia]. vol. 2, Moscow. (in Russian).
21. Ostasheva, N. V. (1998) *Na perelome epokh... Mennonitskoye soobshchestvo Ukrainy v 1914–1931 gg.* [At the turn of the epochs ... The Mennonite community of Ukraine in 1914–1931]. Moscow. (in Russian).
22. Resolution Gubrevkoma on the implementation of the food distribution, correspondence with the gubrevkom, village councils on the elections to the rural revolutionary committees on the course of the food distribution, the protection of pedigree cattle. 03.04.1920-28.11.1920. SADO, f. r. – 2690, inventory 1, file 10. (in Russian).
23. Resolution Gubrevkoma on the implementation of the food distribution, correspondence with the gubrevkom, village councils on the elections to the rural revolutionary committees on the course of the food distribution, the protection of pedigree cattle. 03.04.1920-28.11.1920 SADO, f. r. – 2201, inventory 2, file 22. (in Russian).
24. *Tavricheskiye Gubernskiy Vedomosti* (1916) [Tauride Provincial Vedomosti]. no. 22.
25. Central State Archive of the Supreme Authority of Ukraine (CSASAU), f. 5, inventory 1, file 1118.
26. Central State Archive of Public Associations of Ukraine (CSAPAU), f. 1, inventory 2, file 3272.
27. *Entsiklopedicheskiy slovar* (1980) [Encyclopedic dictionary]. Moscow. (in Russian).
28. Autor Herausgeber (1985) *Diary of Anna Baerg. 1916–1924*. Altona, Manitoba. (in English)
29. Goerz, Heinrich (1997) *Mennonite settlements in Crimea*. Winnipeg, Manitoba. (in English)
30. Goerz, Herinrich (1997) *Memrik*. Winnipeg, Manitoba. (in English).
31. Lohrenz Gerhard (2000) *Sagradowka. History of the Mennonite settlement in Southern Russia*. Winnipeg, Manitoba. (in English).
32. Schnurr Joseph (1978) *Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Evangelischer Teil*. Stuttgart. (in Deutsch).

Надійшла до редакції 06.07.2018